

дарья
ДОНЦОВА

Закон молодильного
яблочка

Москва
2022

в мире преступных страстей
виола тараканова

ГЛАВА 1

«Не гламурно носить серебряные серьги, если у вас золотые зубы...»

Я поперхнулась чаем и устала на экран телевизора, где улыбалась блондинка неопределенных лет, только что произнесшая эту фразу. Назвать точный возраст женщины мешали пластические операции, которые она не побоялась сделать. Камера отъехала, и я увидела ведущую передачи, одетую в синюю юбку, пронзительную зеленую кофту и украсившую шею шарфиком цвета взбесившегося апельсина.

— А как вы относитесь к сочетанию в одежде разных оттенков? — с неподдельным интересом осведомилась телеведущая.

— В этом вопросе я толерантна, — снисходительно ответила дама, затем, бросив взгляд на собеседницу, пустилась в пояснения: — Когда я вижу особу, чей наряд напоминает цветом забор стоящей на берегу реки психбольницы в сочетании с висящим на нем оранжевым полотенцем кого-то из сумасшедших, я не закатываю глаза, не говорю: «Ужас, ужас, ужас...», а понимаю, что у бедной во всех смыслах этого слова девушки из-за нищеты не хватило средств на покупку зеркала. Мне просто ее жаль. В конце концов, кому плохо от того, что глупышка нарядилась неподобающим образом? Главное, чтобы она была довольна, ее муж счастлив, дети веселы. А то ведь как бывает —

внешний вид матери семейства безупречен, а в ее доме царит бардак. Я легко могу простить солнечный шарф в дополнение к зеленой блузе и голубой юбке. Важно, чтобы все это надел на себя хороший человек.

— Но серебряные серьги и золотые зубы вы не одобряете, — напомнила ведущая.

— Душенька, я ведь произнесла другие слова — «не гламурно», — напомнила гостя, — я вовсе не высказалась резко, мол, немедленно снимите украшение. Но могу дать совет. Знаете закон молодильного яблочка? Умеренность во всем! Везде: в цацках, в одежде, в косметике. Чем старше становишься, тем меньше пищи, строже платье и никаких побрякушек. Некоторые пенсионерки полагают, что тонны теней на веках их сделают двадцатилетними. Наоборот получится. Закон молодильного яблочка иной.

Мне стало смешно. Сама-то дама разряжена в пух и прах, обвешана бусами, ее пальцы унизаны кольцами, на запястьях звенят браслеты... Похоже, она считает себя юной девушкой.

— Спасибо за беседу. С нами была астрологический консультант по моде Элоиза де ля Фер, — скороговоркой выпалила ведущая.

К моему столику с подносом в руке подошел бармен, на его носу почему-то сидели темные очки, что выглядело странно в помещении кафе.

— Де ля Фер, вы слышали? — хмыкнул парень.

— Да, — улыбнулась я. — Если память меня не подводит, в книге «Три мушкетера» так звали Атоса. Он был графом де ля Фер.

— Сомневаюсь, что эта фамилия у астролога указана в паспорте, — криво усмехнулся работник общепита.

— Принесите, пожалуйста, воды, — вмешался в наш разговор мужчина, занимавший место у окна.

— Сию минуту, — ответил бармен и направился к стойке. — Вам с газом или без? Российскую или импортную? Вторая заметно дороже первой. Какую предпочитаете?

— Любую, только побыстрее, — нетерпеливо процедил посетитель.

Я чихнула. На полу около клиента стояла большая сумка, от которой исходил неприятный запах дешевой синтетики и специфический «аромат» какой-то химии.

Мимо окна крохотного кафе проехал автобус, мой телефон издал попискивание, я взяла трубку и прочитала эсэмэску:

«Виола, вы где? Через пятнадцать минут объявят тревогу».

Хихикнув, я отправила ответ:

«Думаю, посетителей это не касается. Я не являюсь сотрудником архива».

Вскоре прилетело новое сообщение:

«Госпожу Тараканову посадили за стол в библиотеке, коей я заведую. На меня возложена ответственность за вашу человеко-единицу. Я лишусь премии, если вы не приведете рабочее место в порядок до учений».

Обреченно вздохнув, я попросила бармена:

— Пожалуйста, рассчитайте меня.

И одновременно проводила взглядом сердитого клиента со спортивной сумкой, который, держа ее в руке, направился к выходу. На поясе у него висела борсетка, я невольно улыбнулась. Некоторые люди всю жизнь хранят верность некогда полюбившимся им вещам. Ну кто сейчас пользуется кошельками, ко-

торые крепятся к ремню брюк? Мода на них прошла в начале двухтысячных.

Бармен подошел ко мне с терминалом, прокатал карточку и смутился:

— Простите, но на вашем счете нет денег.

— И куда они подевались? — удивленно заморгала я.

— Увы, финансам это свойственно — они живо улетучиваются, — засмеялся бармен. — По себе знаю: кажется, вот только что получил зарплату и... упс, ее уже нет.

— Извините, я сейчас позвоню в банк, — сказала я.

Молодой человек вернулся к кофемашине, а я поговорила с девушкой из отдела обслуживания клиентов, затем сама подошла к стойке.

— В банке случился сбой в компьютерах. Обещали через четверть часа все наладить. Если не боитесь обслуживать посетительницу, у которой в этот момент на карте пусто, налейте мне еще чаю.

— Готов подать его вам даром, — мирно откликнулся бармен. — В жизни бывают разные обстоятельства. А еще вот...

Я посмотрела на табличку, на которую показал парень, и прочитала вслух:

— «Кофе для друга. При отсутствии денег вас угостят бесплатно. Акция проводится на благотворительные средства».

Рядом стоял прозрачный пластиковый куб, внутри которого находились мелкие купюры и монеты.

— Спасибо за предложение, но у меня, слава богу, нет проблем с оплатой. Посижу у вас некоторое время, и карточка заработает.

Молодой человек взял пустую чашку.

— Компьютеры — прекрасная вещь, однако полагаться на них целиком и полностью нельзя. Когда случаются перебои с электричеством, все ноутбуки-айфоны-айпады довольно быстро, как только у них автономное питание заканчивается, превращаются в бесполезные коробки. А человек и при свечах работать может. Хотя с людьми бывают свои проблемы: опоздают на службу, или напьются, или вообще не придут в офис.

— Вы правы, нет в мире совершенства, — засмеялась я.

Мы с барменом продолжали болтать ни о чем, как вдруг с улицы долетел истошный вопль:

— Помогите! Кто-нибудь! Скорей!

Я бросилась наружу и увидела женщину лет шестидесяти, стоявшую около лежащего на тротуаре человека.

— Он упал! — воскликнула она. — И умер! Инфаркт, инсульт или тромбоэмболия.

— Возможно, просто обморок, сейчас я вызову «Скорую», — попыталась я успокоить перепуганную пенсионерку, доставая телефон.

— Нет, звоните в полицию, — возразила та. — Доктора ничем уже ему не помогут. Я сама врач и вижу, что бедняга мертв. В случае подозрительной смерти надо вызвать представителей правопорядка, а не тратить зря время на звонок медикам.

Я, держа трубку в руке, присела около неподвижного тела. Хм, похоже, мужчина и впрямь скончался... А вдруг нет? Что, если ему еще можно помочь?

— Все равно обращусь в «Скорую», — пробормотала я, — вдруг он в обмороке.

— Говорю же, я врач, — повторила прохожая, — мужчина мертв.

У меня на языке вертелся вопрос: «Вы доктор? Почему тогда так испугались смерти? Насколько я знаю, люди в белых халатах привычны к появлению старухи с косой».

Когда я, позвонив в диспетчерскую, убрала трубку, незнакомка почему-то начала оправдываться:

— Я стоматолог, мои пациенты не умирают, с трупами я сталкивалась только во время учебы, потом господь миловал. Извините за крик, я растерялась. Нет, даже испугалась.

— По-моему, нужно опасаться живых, — сказала я, — вот от них можно ждать чего угодно, а покойник вам ничего плохого не сделает.

Собеседница вдруг взвизгнула и убежала, а я еще раз посмотрела на несчастного. Вот уж не повезло мужику, умер на улице... Мой взгляд упал на брючный ремень бедолаги. Что-то показалось мне странным. Но что? Не найдя ответа на вопрос, я вернулась в кафе и сказала бармену, протиравшему тряпкой стойку:

— Посетитель, который недавно от вас ушел, похоже, умер на улице. Но поскольку я не являюсь медицинским работником, то, возможно, ошибаюсь и несчастному еще можно помочь. Короче, я вызвала «Скорую». Если на тротуаре труп, врач сам сообщит в полицию. Нехорошо, что бедолага там вот так лежит. Можно я возьму ваш плед и прикрою его? Улица малолюдная, пока на ней никого нет, но вдруг кто-то появится, не стоит пугать прохожих...

— Черт! — воскликнул бармен. И пробормотал: — Как чувствовал, что от него будут неприятности, чуяло сердце... Конечно, берите.

Я сдернула со спинки кресла флисовое одеяло, вышла на улицу и набросила плед на тело. Затем вернулась в кафе и снова подошла к стойке.

— Похоже, врачи действительно, как говорила старушка-прохожая, не нужны, бедняга не моргает, не шевелится.

— Вот невезуха, через полчаса ланч... — занервничал бармен. — Понимаете, у меня тут шесть столиков, и они все, как правило, в обед заняты. Конечно, вам пара тысяч рублей, которые я предложить за услугу могу, не нужна, вы явно обеспеченная женщина, но, может, из христианского милосердия поможете мне, а? Давайте оттащим тело подальше, к воротам архива. Ну как будто он возле них скончался. Сотрудникам архива все равно, а ко мне, боюсь, люди ходить перестанут. Чтобы открыть это заведение, я большой кредит взял, его отдавать надо...

На секунду я растерялась, потом ответила:

— Нет-нет, нельзя перемещать тело. Вот вам моя визитка, если полиция захочет задать мне пару вопросов, я буду рядом, некоторое время проведу в архиве, к двери которого вы просили труп оттащить. Кстати, должна сказать, что ваше предложение звучит более чем странно... Все, давайте я расплачусь, наверное, кредитка уже работает.

— Как вас зовут? — неожиданно спросил хозяин кафе, отдавая мне чек.

— На визитке написано, там же указан и телефон, — удивилась я вопросу.

— Извините, не вижу, — произнес он.

— Просто отдайте визитку старшему наряда, который приедет, — уточнила я.

Хозяин кафе снял черные очки.

— Простите, — прошептала я, — не знала, что вы слепой. Так ловко ходите по помещению, ничего не задеваете...

— Давайте познакомимся, — улыбнулся владелец заведения, возвращая очки на место, — Кирилл Капотов.

— Виола Тараканова, — представилась я, — друзья зовут меня Вилкой.

— В местах, которые хорошо знаю, я проблем не испытываю, — пояснил Кирилл, — а для улицы и помещений, где ранее не бывал, есть электронный брелок, он предупреждает о разных помехах на пути.

— Но вы недавно назвали меня обеспеченной женщиной, — продолжала я недоумевать. — Как вы это поняли? Любой другой оценил бы стоимость моей одежды, но вы же ее не видите.

Бармен облокотился на стойку.

— Так ведь не обязательно быть зрячим, чтобы получить исчерпывающую информацию о человеке. От вас веет духами, а я этого аромата не знаю, ни разу такой не встречался. Он сложносочиненный, со многими нотами: слива, перец, красное вино... Все называть не стану. Женщины, которые сюда заглядывают, чаще всего жертвы рекламы, покупают парфюм, который за немалые деньги от производителя продвигает «глянец». Дурочки не понимают, что кожа каждого человека индивидуальна, что духи, попав на нее, всегда меняют первоначальный аромат. Тот, что покупательнице понравился на тестере, соединившись с ее запахом, может радикально измениться. Кое от кого просто дрянью несет, а они явно в восторге: как же, ведь «носят» топовые духи. «Мол, ах-ах, коллега купила себе «Хренель» номер сто семь, и я приобрету, буду на пике моды, как все». Нет бы сообразить: модной туалетная вода стала из-за того, что за ее рекламу нехило заплатили хозяину СМИ. Журналисты получили от владельца издания барашка в бумажке и принялись его рьяно от-

рабатывать, стали писать белиберду: «Лучший парфюм года по версии нашего еженедельника», «актрисы из Голливуда пользуются только этим ароматом», и т. д. и т. п. В результате стадо овец бежит в лавку, отдает за флакон в сто раз больше денег, чем затрачено на его производство, и, пардон, воняет одинаково... Глупость такого поведения даже обсуждать не стоит. А у вас эксклюзивный парфюм. Делаю вывод: у вас хватает ума, чтобы не глотать ржавый крючок рекламы. Один плюс вам. К тому же вы обладаете чувством меры, не опшикиваете духами с ног до головы, как орда идиотов. Второй плюсики вам. И у женщины достаточно денег, чтобы купить не массовое издание. Новый плюсики.

— Последний не вполне заслужен, — возразила я. — Ведь возможно, деньги заработала не я, а мой любовник. Или муж.

— Наоборот! — хмыкнул Кирилл. — Значит, вы сумели заарканить богатого и щедрого парня. Еще два плюса: вы не курите, а шампунь и лак для волос у вас от дорогой американской фирмы. Далее: сумка и туфельки из натуральной кожи, которая издает иной аромат, чем тряпка или искусственные материалы. С запахами мы вроде разобрались, теперь о слухе, который тоже мне очень помогает. Благодаря ему я понял, что вы в джинсах и в шелковой кофточке, на руке у вас три браслета. Верхняя часть одежды из натурального материала, а он дорогой, нижняя бюджетной марки, но такие брюки весь мир носит, они очень уж удобны. Один браслет из натурального золота, два других просто металл, но судя по звуку, который они издают, касаясь друг друга, качество его первостатейное. Мне продолжать или понятно, почему слепой бармен сделал вывод о вашем достойном материальном положении?

— Не надо, — попросила я, — мне все ясно.

ГЛАВА 2

— Я родился слепым, — продолжал Кирилл, — и если вдруг прозрею, хотя это невозможно, не буду знать, что с глазами делать. Они мне практически не нужны, я не умею ими пользоваться.

— Клиент, который сидел у окна, сюда часто приходил? — поинтересовалась я. — Вы обронили фразу, что ждали от него неприятностей. Почему?

Капотов аккуратно поместил чистый фужер в крепление над стойкой.

— Впервые он пришел сюда где-то ранней весной или в конце зимы. Точно месяц не назову, февраль или, может, март. Посидел, расплатился наличкой и ушел. С тех пор он заходил регулярно. Появлялся ровно в полдень, сидел минут двадцать-тридцать, пил эспрессо. Потом давал на чай рубль и удалялся. Бесед со мной не вел. Делал заказ и молчал.

— Странно, — удивилась я.

— Согласен, — кивнул Капотов. — Сначала я решил, что он в каком-то офисе поблизости служит, вот и прибегает кофейком подкрепиться. Но потом сообразил: не в кофе дело. Понимаете, дядька, как самолет, по расписанию в полдень за столик приземлялся, а вот покидал кафе по-разному, иногда в десять минут первого, порой позже. И у него при себе всегда была спортивная сумка.

— Вы же слепой! — вырвалось у меня. — Ой, простите... По звуку поняли, какая поклажа?

— Нет, — улыбнулся Капотов, — по запаху. Моя жена купила сумку для фитнеса из дешевой синтетики, она воняла нестерпимо. Я супругу отругал, она разозлилась: «У тебя нос, как у собаки! Ничего, выветрится». Но эта дрянь до сих пор мое обоняние

парализует. Неужели вы не ощутили «аромата»? Был запашок, — продолжал мой собеседник, — весьма неприятный, химический такой. — Станный тип, — добавил бармен. — И постоянно он с этой мерзкой торбой таскался. Меня, помню, любопытство скрутило — ну что за ерунда со временем визита этого посетителя? А потом я скумекал: городской транспорт! Как только автобус мимо кафе проезжал, мужик расплачивался и уходил.

— Сегодня он воды у вас попросил, — напомнила я. — Причем сердитым тоном.

Кирилл опять взял тряпку и начал возить ею по мраморной доске.

— Похоже, он нервничал. Автобус не приехал даже в двенадцать сорок пять, а этого ни разу не случилось. Максимум мог на пять-десять минут опоздать. По расписанию «Икарус» тут в двенадцать тринадцать тормозит, остановка-то рядом, налево по улице метрах в ста. А сегодня он сильно задержался, вот дядька и задергался. И обычной своей привычке изменил — бросил деньги и убежал, хотя всегда сдачу забирал, а рубль на чай с собой приносил и мне отдельно вручал.

— Вы не знаете, как зовут этого посетителя? — спросила я. — Кому позвонить нужно, чтобы сообщить о несчастье?

— Без понятия, — пожал плечами хозяин заведения — Всех своих постоянных клиентов я по именам величаю, а его нет. И он сегодня впервые что-то кроме слова «эспрессо» произнес. В отличие от других клиентов он не здоровался, не прощался. Входил, цедил сквозь зубы: «Эспрессо». И все. Уходил молча.

— Неужели ваши замечательные нос и слух никакой информации о нем не сообщили? — вздохнула я.

Кирилл вынул из холодильника бутылку минералки.

— Сейчас Григорий прискачет, а он только теплую пьет... — Затем ответил на мой вопрос: — Запах от него исходил специфический, так воняют средства против бытовых насекомых. Еще ясно считывалась банановая отдушка.

— Фу, — поморщилась я, — смесь просто отвратительная.

— Никогда не нюхал такого «букета», — признался Капотов. — У меня в голове прокручивались разные варианты профессиональной деятельности клиента. Например, он работал на складе, где хранится бытовая химия, причем всякая-разная, поэтому столь необычный «коктейль» образовался. Или он сотрудник какой-то лаборатории. Кстати, он прямо с работы приходил. Почему я так решил? Время-то служебное! И еще любитель эспрессо курил дешевые сигареты. Без фильтра.

— Такие еще выпускают? — удивилась я.

— Почему нет? — улыбнулся хозяин кафе. — Сейчас народа, который каждую копейку считает, не меньше, а может, даже больше, чем прежде. И есть граждане, вполне обеспеченные, которым подавай исключительно эту гадость. А раз спрос есть, то существует и предложение. И еще я могу сказать, что мужик одинокий.

— Тоже это по запаху определили? — не удержалась я от сарказма.

— По отсутствию телефонных разговоров, — охотно объяснил Кирилл. — Ну ни разу ему никто не звякнул. И сам он никогда трубкой не пользовался. Мне вот жена или дочка постоянно звонят.

Словно в подтверждение слов Капотова, по залу понеслась песня: «Жили у бабуся два веселых гуся...»

— О, — засмеялся хозяин, — только Бабу-ягу помянешь, так она сразу тут как тут. Привет, Надюша. Что, туфли? Но ты же месяц назад новые купила. Не подходят под желтое платье? Ну прямо не знаю, что тебе, дорогая женушка, и сказать...

Я не стала ждать, когда владелец заведения завершит беседу с расточительной супругой, и двинулась на улицу. Стараясь не смотреть на тело, прикрытое пледом, перешла на другую сторону, миновала автобусную остановку, затем вошла под своды архива.

— О-хо-хо, Арина Вилоковна, — зашептала бабуля, которая сидела за столом у входа, — бегите скорей в библиотеку. Никитина вся издергалась, что вы опоздаете к началу проверки готовности к экстремальному случаю, а ей за это влетит.

Я поторопилась вперед по длинному коридору.

Будучи женщиной с паспортом, в коем записано имя Виола Ленинидовна, ваша покорная слуга госпожа Тараканова давно привыкла к разным вариантам обращения к себе. То, что отчество «Ленинидовна» может правильно произнести один человек из десяти тысяч, меня не особенно удивляет. Напомню, папеньку моего величают Ленинидом, это так называемое новое советское имя, составленное из начальных букв слов «Ленинские идеи». Кстати, Марлен, если кто не в курсе, это сокращенно от Маркс — Ленин, Владлен — от Владимир Ленин, Виль — от В. И. Ленин, а Ким от слов «коммунистический интернационал молодежи». Чаще всего ко мне обращаются просто — Виола Леонидовна. Но после того как я начала под псевдонимом Арина Виолова писать детективные романы, варианты моего имени стали меня поражать.

Меня величают Ариной Леонидовной, Леонидой Виоловной, Виолой Ариновной... Наиболее экзотичным мне показалось сочетание «Арина Таракановна». Но сейчас я готова отдать пальму первенства милой дежурной, которая назвала меня «Арина Вилоковна». Отлично, значит, мой папаша был Вилкок. Капустный, судя по всему. Могу теперь смело утверждать, что меня нашли на грядке.

Хотя уж лучше вырасти в огороде, чем состоять в родстве с Ленинидом. Чем досадил мне папаша? О том, как он вел себя до того, как стать актером, я уже неоднократно рассказывала¹. Напомню лишь одно: я, наивная, полагала, что Ленинид, начав сниматься в сериалах и закопав уголовное прошлое, станет наконец-то обычным гражданином. Ан нет, папенька устроил мне... Ой, не хочу говорить об этом!²

Я открыла дверь, вошла в библиотеку и увидела, как несколько человек одновременно повернулись в мою сторону.

Вера Васильевна, заведующая, отчаянным жестом указала на круглые часы, которые тикали на стене, и придушенно прошептала:

— Через три минуты Андрей Николаевич придет.

— Мы чуть не умерли от нервов, — добавила ее заместительница Наталья Владимировна.

Простые сотрудницы Лена и Ира закивали.

Я уже открыла рот и хотела спокойно объяснить, что не состою в штате архива, являюсь его посетительницей, значит, не обязана принимать участие

¹ Биография Ленинида детально изложена в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».

² История, которую не желает вспоминать Вилкок, описана в книге Дарьи Донцовой «Инкогнито с Бродвея».